

**БОНА СФОРЦА:
ПРАКТИКА ПРАВЛЕНИЯ
ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ
АБСОЛЮТНЫХ МОНАРХИЙ**

Аннотация: Статья посвящена деятельности Боны Сфорца – самой активной правительницы Короны Польской и Великого княжества Литовского. Современница Жана Бодена, она не была знакома с его произведениями, но, тем не менее, активно реализовала его идеи, проводя ряд политических и экономических мер для укрепления монархии в Польше и Литве. По этой причине мероприятия Боны Сфорца могут рассматриваться как первые примеры рецепции идей абсолютизма и утверждения королевского суверенитета в будущей Речи Посполитой.

Ключевые слова: Бона Сфорца, Великое княжество Литовское, Королевство Польское, шляхта, Ренессанс, сословно-представительная монархия, формирование абсолютизма, рецепция абсолютистских мер.

Об авторе: Ландина Лариса Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств, 220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Рабковская, 17. larisa-hist@mail.ru

Бона Сфорца (1494–1557 гг.), королева польская и великая княгиня литовская, была известной современницей французского автора теории суверенитета Жана Бодена. В истории Восточной Европы королева Бона осталась как одна из наиболее активных правительниц Короны Польской и Великого княжества Литовского. Более того, не будет преувеличением сказать, что Бона Сфорца была самой активной королевой и великой княгиней обоих государств.

Деятельная правительница Великого княжества Литовского периода его «золотого века», меценатка, талантливый администратор в области экономики, дипломат, сторонница укрепления монархии и проведения в жизнь «государственного интереса», с одной стороны, и жесткая, прагма-

тичная, не слишком разборчивая в средствах, недально-видная мать с репутацией отравительницы, с другой – все эти характеристики применимы к королеве Боне. Королева Бона еще при жизни вызывала противоположные чувства у современников – от восхищения до ненависти, причем последнее у единственного сына. Для историков несомненно лишь одно – эта яркая натура эпохи Ренессанса была настоящей дочерью своего времени. Применительно же к истории Великого княжества Литовского невозможно не признать значимости экономических и социальных мероприятий королевы на его землях.

Происхождение Боны Сфорца заслуживает особого внимания. Социокультурная среда, в которой выросла Бона, оказала сильное влияние на её деятельность в качестве королевы и великой княгини.

Бона Сфорца, полное имя которой Бона Сфорца д' Арагона, была миланской принцессой. Она появилась на свет 2 февраля 1494 г. в городе Виджевано в Ломбардии, на севере Италии. Отцом Боны был герцог Джан Галеаццо Сфорца, матерью – герцогиня Изабелла Арагонская. Девочку называли в честь бабушки по отцу – Боны Савойской, в семье она была уже третьим ребенком. Будущая правительница Польши и Литвы выросла в условиях культуры итальянского Ренессанса и на родине европейского капитализма – в Северной Италии. При миланском дворе работали ученые и художники, в 1482 г. в Милан был приглашен Леонардо да Винчи, но не как художник, а как архитектор, гидротехник и инженер-конструктор.

Экономика Северной Италии была едва ли не самой развитой в Европе. Там уже существовали мануфактуры, рынок земли, банковское дело. Ломбарды – кредитные учреждения, предоставляющие ссуду под залог, появились как раз тогда – в XV в. их основали во Франции ростовщики, выходцы из Ломбардии. Миланское герцогство, где интенсивно осваивались земли, строились каналы, выращивались шелковица, рис, лен, идущие на экспорт наряду

со стеклом, оружием, тканями, занимало лидирующие позиции в экономике Италии [6:2-3].

Италия была особым регионом, где на основе сеньорий формировалась абсолютная власть местных князей-принцев. Одновременно шел процесс борьбы за власть между князьями, и при этом зачастую наиболее действенными средствами были кинжал и яд. Нужно помнить, что это обстоятельство неизменно присутствовало в жизни будущей королевы и великой княгини.

Дед Боны, Галеаццо Мария Сфорца, покровитель искусств и библиофил, прославился своей патологической жестокостью и деспотизмом и погиб под ударами кинжалов. Отец Боны, Джан Галеаццо Сфорца, умер в 25 лет при невыясненных обстоятельствах. Девочка отца не помнила, но, подрастая, не могла не слышать намеков на то, что отцу «помог» уйти из жизни его дядя – герцог Лодовико Моро. При слабовольном племяннике Моро фактически правил Миланом, и, как говорили, был влюблен в мать Боны – Изабеллу Арагонскую. После смерти племянника Лодовико Моро не стал передавать миланский трон старшему брату Боны – Франческо, а сам стал управлять Миланом. В качестве компенсации от отдал матери Боны два небольших княжества – Бари и Россано. Однако вряд ли это могло успокоить герцогиню Изабеллу, которая видела, как рушится ее семья. Сначала не стало мужа, затем умерла родившаяся уже после смерти отца Бьянка, после нее – старшая сестра Боны Ипполита Мария. Единственный сын Франческо жил, по сути, на положении заложника во Франции. Французский король Людовик XII, имеющий виды на североитальянские земли, поселил мальчика-подростка в Ангулемском замке. Однажды Франческо упал с лошади и умер от полученных травм.

Неизвестно, читала ли Бона Сфорца «Государя» Макиавелли, но она хорошо знала и историю своей семьи, и цену человеческой жизни, и приемы ведения политики в современном ей обществе. Сама фамилия «Сфорца» тоже

красноречива – она происходит от итальянского глагола «sforzare», что значит «принуждать, давить, напрягать».

У вдовой герцогини Изабеллы осталась только Бона. Девушка получила отличное образование. Она изучала право, латынь, теологию, философию, географию, математику. Мать и дочь покинули Милан и поселились в Бари. Там, на юге Италии, в старинном замке, прошли юные годы Боны, позже вспоминаемые ею с теплотой. Уже будучи королевой, она в 1536 г. купила разрушенный город Ров на южной границе Великого княжества Литовского и назвала его Баром. После возведения замка, налоговых льгот, предоставления Магдебургского права Бар, расположенный на территории современной Украины, стал одной из ключевых крепостей на юге Великого княжества.

Несмотря на хорошее происхождение, образованность и красоту, Бона Сфорца не считалась завидной невестой. За ней не было мощной семьи, денег, армии, и проекты замужества долго не увенчивались успехом. Между тем, Боне исполнилось 23 года, и по современным ей меркам Бона уже считалась старой девой [6:5-6].

В 1515 г. король польский и великий князь литовский Сигизмунд I оvdовел. Чтобы заручиться поддержкой католической Польши во внешнеполитических планах, император Священной Римской империи Максимилиан I Габсбург сосватал свою племянницу, миланскую принцессу Бону за правителя Польши и Литвы. Посредником в сватовстве был известный дипломат, посол, писатель барон Сигизмунд фон Герберштейн. В «Записках о Московии» он упомянул о договоре, который заключила с ним мать Боны. Герцогиня Изабелла обещала «тысячу рейнских флоринов» за успешное сватовство, и миссия Герберштейна была выполнена [1:60].

В 1517 г. портрет Боны представили ее жениху, и Сигизмунд I был очарован. Сохранилось описание внешности Боны, оставленное одним из ее современников: «Волосы имеет красивые ясно-льняные, когда (вещь удивительная) брови и ресницы совершенно черные; глаза более

ангельские, чем человеческие; лоб небольшой и ясный; нос простой без горбинки и скривления; лицо румяное; как бы врожденная стыдливость украшает его; уста словно ярко-красный коралл, зубы ровные и удивительно белые; шея обыкновенная и округлая; щеки снежной белизны; плечи плавные; ручки – красивейших увидеть нельзя. А все вместе взятое, как и вся фигура или каждый член отдельно, создает очень красивую и очень привлекательную гармонию. В каждом движении выдающееся очарование, а более всего в речи; сознание и разговор не такие, какие характерны ее полу, но истинно изумительные. Слышали ее говорящей по-латински, не заучено и без подготовки, и свидетельствую Богом, что в каждой фразе блистала цветастой изысканностью стиля. Давно знаю итальянский край, но до этого времени не нашли панны, что так красиво танцует» [8:231; 11:58-59]. В 1518 г. Бона Сфорца стала женой короля и великого князя Сигизмунда I. На момент заключения брака жениху был 51 год, невесте – 24.

Новая страна и двор с интересом встретили молодую красавицу королеву, настоящую правительницу эпохи Ренессанса. Король Сигизмунд боготворил молодую жену, называя ее «найяснейшей панной». Энергичная, остроумная, лучше всех танцующая на балах, окруженная толпой поклонников, Бона сначала вызывала всеобщее восхищение.

Европейское воспитание, образование, поведение, привнесенное Боной в жизнь королевского двора в Кракове и великокняжеского в Вильно, преобразовывало жизнь культурной и правящей элиты. Двор становился образцом для подражания, пребывание при нем служило мерилom престижа и галантности, а также позволяло сделать карьеру. Более того, репрезентативность и усиление роли двора являются показателем, пусть и несколько опосредованным, укрепления королевской власти. Нельзя не согласиться с мнением белорусской исследовательницы А.А. Скепьян о том, что краковский двор при последних Ягеллонах, особенно после приезда Боны Сфорца, стал значимым фактором формирования культурных элит [7:185].

Бона Сфорца привезла из Италии мастеров, врачей, поваров, музыкантов. Их приезд в 1518 г. сформировал западноевропейское «ядро» краковского двора. В Великом княжестве Литовском европеизация придворной жизни создала мощную конкуренцию «русскому духу», традиционно характерному для великокняжеского двора. Итальянцы были второй по численности после поляков категорией иностранцев, живших и работавших в Великом княжестве. Только за 1544–1551 гг. туда ежегодно прибывало 40–50 человек. В это время только в окрестностях Вильно было около 150 человек – ремесленников, художников, музыкантов, дипломатов, почтовых слуг и т.д. [7:190]. При дворе получили распространение портретная живопись, итальянская музыка, литература, галантные манеры, западноевропейская мода, а среди домашних питомцев стали модными попугаи. Изменения коснулись и кухни. За столом королева пользовалась неизвестным ранее прибором – вилкой и привезла рецепт невиданного десерта – мороженого. В Польше на столах магнатов появились апельсины, оливки, миндаль, лимоны, изюм.

Зная, насколько важно поощрять науки и искусства, Бона Сфорца выступила в роли меценатки. Благодаря ее поддержке в 1523 г. в Кракове была опубликована поэма Николая Гусовского «Песня о зубре». Начало поэмы – это не только обращение к королеве, но и завет художника правителю. Представляя свою книгу, Гусовский писал: «Этим самым желаю я не столько улучшить положение свое, как проложить дорогу ученым мужам, дабы и они тебе свои творения преподнесли. И чтобы ты, наисветлейшая княгиня, взвесила их способности и посоветовала своему мужу тех, кого сочтешь наиболее талантливыми. Ибо вижу я с величайшей для себя скорбью... что достойнейшие сердца совсем не почитаются. Из-за лишений и бедности целиком они не могут себя проявить. Вижу также, что есть немало людей, обладающих богатством и талантами, однако когда они замечают, что ученых так мало чтят и уважают, стремятся они более обогащаться, нежели украшать душу.

Из-за такого ничтожного дела жертвуют они самым благородным своим предназначением. А если возьмешь ты на себя опеку над их дарованиями, расцветут тогда их таланты и принесут пользу Королевскому Величеству в ее великом деле...» [6:10–11].

Однако восхищение королевой вскоре прошло. Причин этому было несколько. Гордость и авторитарность самой Боны, которая со временем фактически забрала в свои руки государственные дела при пожилom и покладистом муже, отталкивали от нее многих при краковском дворе. Еще одной причиной было иностранное происхождение Боны и то, что она женщина. И то, и другое воспринималось в раннее Новое время очень болезненно, и не только при краковском дворе. В известном смысле права биограф Боны Сфорцы, польская исследовательница М. Богуцка, утверждавшая, что у Боны не было шансов как у женщины и чужеземки [10]. В то же время утверждать, что Бона проиграла как правительница, вероятно, преждевременно. Несмотря на настороженное отношение к Боне в Короне Польской, ей все же удалось в значительной степени преобразовать в ренессансном духе краковский двор, обеспечить наследственную власть за сыном и существенно укрепить экономическую базу короля и великого князя.

Политическая культура Короны Польской и Великого княжества Литовского, связанных династической унией, серьезно отличалась от той, в рамках которой была воспитана Бона. По ряду причин польским королям не удавалось подчинить себе шляхту. С одной стороны, роль служилого сословия неуклонно повышалась ввиду внешней активности Польского государства и необходимости обороны от крестоносцев. С другой – немалое значение в сложившейся ситуации имел и субъективный фактор. Так, в 1374 г. польский король Людовик Венгерский, не имевший сыновей, даровал шляхте Кошицкий привилей. Согласно ему, шляхта освобождалась от ряда налогов и обязанностей и в результате сравнилась по статусу с высшей церковной и светской знатью. За это шляхта давала согласие на то, что-

бы после смерти короля одна из его дочерей унаследовала польский трон.

В 1492 г., незадолго до смерти, Казимир Ягеллончик, отец Александра Ягеллона и Сигизмунда Старого, подготовил привилей, подписанный его сыном Александром. Долгое правление Казимира было неустойчивым. Он балансировал между Польшей и Литвой, сглаживая экспансионистские требования польской знати и желая не допустить недовольства Литвы. Казимир опирался на великокняжескую Раду (Совет). Желая обезопасить своего сына и обеспечить ему поддержку, Казимир передал Раде огромные полномочия. Отныне ни одного важного решения, включая введение налогов, назначения на должности и т.д. король и великий князь без согласия Рады принять не мог. Признавались все привилегии шляхты и магнатов. Александр Ягеллон официально это подтвердил, существенно ослабив собственную власть. В то время как в Западной Европе набирало силу формирование абсолютных монархий, в Короне Польской и Великом княжестве Литовском развертывался обратный процесс.

Так, согласно Мельникскому привилею, подписанному в 1501 г. при вступлении Александра на польский трон, польские магнаты ставили под контроль королевскую власть и получали право не подчиняться королю, если усматривали в его действиях нарушения существовавших привилеев. В 1504 г. состоялся Пётрковский сейм, согласно решению которого король не мог распоряжаться государственными имуществами без согласия сейма, а на уровне местного управления были ограничены функции высших должностных лиц. Все эти меры были призваны предотвратить концентрацию власти и средств в руках немногих персон или знатных фамилий. Наконец, в 1505 г. на сейме в Радоме была принята конституция «*Nihil novi*». В соответствии с ней, король не имел права принимать решения без одобрения шляхты и формируемой ею посольской избы – нижней палаты сейма. «*Nic o nas bez nas*», – этот принцип свидетельствовал о новом качестве и полномочиях поль-

ской шляхты и магнатов. Таких «политических структур», как отмечала М. Богуцка, Бона Сфорца никогда доселе не встречала, и должно было пройти время, чтобы она сориентировалась в механизме власти в Польше [9:83-84].

Разумеется, Бона понимала невозможность принципиальных изменений в этой системе. Однако она видела иные практики государственного управления и, как представительница итальянской политической культуры, где налицо было складывание регионального абсолютизма, старалась претворить в жизнь соответствующие идеи.

В первую очередь, это укрепление монархической власти. Королева Бона, современница Жана Бодена, не была знакома с его произведениями. Однако в политике и экономике она настойчиво реализовала идею королевского суверенитета. На практике это значило соблюдение династического принципа и твердое обеспечение престола за его наследником. За девять лет Бона стала матерью шестерых детей – четырех дочерей и двоих сыновей. Младший сын Ольбрахт родился мертвым – роды были преждевременными из-за падения Боны с лошади на охоте в 1527 г. Больше у королевской пары детей не было.

Все надежды матери и честолюбие королевы Бона сконцентрировала на единственном сыне Сигизмунде, родившемся в 1520 г. В честь римских императоров мальчик был назван Августом. С тех пор наследника стали звать Сигизмунд Август, а правящего короля – Сигизмунд Старый. Обеспечить сыну оба трона – польский и литовский стало целью королевы. Для этого нужно было усилить королевскую власть, гарантировав наследственность трона. И дело здесь было не только в амбициях самой Боны. Европа XVI в. – это время складывания абсолютных монархий, и Бона не могла не понимать, насколько увереннее и эффективнее правят монархи, не зависящие от мнения аристократии. Что такое усобицы и борьба за власть, она видела на примере Италии. Однако она знала и другое. Итальянские гуманисты и правоведы писали о том, каким должен быть идеальный правитель и как объединить страну и удержи-

вать в ней власть. Самым известным произведением этого жанра был «Государь» Никколо Макиавелли – старшего современника Боны Сфорца. Невозможно утверждать, что королева читала этот трактат, вышедший в 1532 г., но, как показала практика, действовала она в соответствии с ним.

В 1522 г., заручившись поддержкой магнатов Великого княжества во главе с Гаштольдами, не желавшими сближения с Польшей, она добилась от сейма Великого княжества Литовского гарантии того, что после смерти Сигизмунда I его сын будет избран великим князем. 4 декабря 1522 г., когда наследнику было всего два года, сейм Великого княжества Литовского дал гарантию Сигизмунду Старому, что после его смерти Сигизмунд Август будет избран великим князем. Даже формально мальчика теперь называли великим князем. Деятельность королевы в этом направлении продолжалась и дальше. Наконец, в 1529 г., при жизни отца, девятилетний Сигизмунд Август стал правителем Литвы [4:66–67].

Однако, в Польше такие устремления королевы по установлению наследственной монархии вызвали недовольство шляхты и магнатов, привыкших диктовать свои условия королю, и провести избрание Сигизмунда Августа польским королем при жизни отца было значительно сложнее. Это стало еще одной причиной неприязни к Боне. Ситуацию усугубило присоединение Мазовии с центром в Варшаве – для поляков были очень подозрительны предшествовавшие этому три смерти в течение пяти лет – мазовецкой княгини Анны и двух ее сыновей. Некоторые считали королеву Бону заказчицей их отравления. Дело дошло до того, что в 1528 г. король был вынужден начать следствие, и хотя оно закончилось выводом о естественной смерти мазовецких князей, пятно на репутации его супруги осталось.

Избрание Сигизмунда Августа на польский трон осуществлялось значительно тяжелее, нежели на литовский. Учитывая возможность резко негативной реакции польских магнатов и шляхты, план объявления Сигизмунда

Августа королем Польши при жизни отца держался в тайне. В Пётркове был созван сейм, и 18 декабря 1529 г. сторонники Сигизмунда Старого и Боны Сфорца провели избрание Сигизмунда Августа польским королем. Коронация состоялась в феврале 1530 г. Двойные выборы Сигизмунда Августа имели целью создать условия для наследственной монархии в Княжестве и Короне и в дальнейшем укрепить династическую унию [4:67].

Своих детей Бона воспитывала в строгости, распоряжаясь их судьбами и составляя для них подходящие партии. При этом она неуклонно следовала принципу «государственного интереса». Дочь Изабелла стала женой Яноша Запольяи, короля Венгрии и князя Трансильвании, Софья вышла замуж за герцога Брауншвейг-Люнебургского, Екатерина – за шведского короля Юхана Вазу (их сын станет королем Польским и великим князем литовским Сигизмундом III Ваза). Анну мать замуж выдать не успела, но в будущем на Анне Ягеллонке женился Стефан Баторий. Дочери, очевидно, принимали характер матери как должное, но единственному сыну материнская опека и руководство пошли во вред.

Сигизмунд Август воспитывался, с одной стороны, под авторитарным влиянием Боны Сфорца, с другой – в женском окружении. По словам современников, он занимался «постельными делами» и коллекционированием драгоценностей, не спеша вникать в дела государства, да и не имея, такой возможности ввиду влияния Боны. Королева-мать нашла сыну невесту. Ею оказалась шестнадцатилетняя Елизавета Габсбург, дочь императора Священной Римской империи. Однако брак не удался. Невестка – болезненная, страдающая эпилепсией, наследников не рожала. Игнорируемая мужем, втянутая в придворные интриги, женщина вдруг (и очень кстати) умирает через два года семейной жизни. Поговаривали, что королева-мать избавилась от невестки. Бона Сфорца вновь стала подбирать себе невестку, однако на этот раз произошло столкновение королевы-матери с сыном.

Еще в 1543 г. Сигизмунд Август познакомился с Барбарой Гаштольд, урожденной Радзивилл, в то время вдовой. Результатом их отношений стал тайный брак, заключенный в 1547 г. В Литве к этому отнеслись спокойно – местной знати импонировало возвышение Княжества, пусть и с усилением Радзивиллов. Но в Польше разразился скандал. Шляхта, магнаты, двор, сейм, королева-мать были в бешенстве. Они не могли допустить возвышения Радзивиллов и нахождения на польском троне литвинки некоролевского рода. Барбара Радзивилл была вдовой с весьма сомнительной репутацией, имевшей, как говорили, 38 любовников и получившей постыдную болезнь. Королеве-матери было невыносимо сознавать, что все ее планы в отношении единственного сына рухнули, что сам он вышел из повиновения, что какая-то подданная оказалась сильнее нее.

Однако Сигизмунд Август, ставший в 1548 г. королем и великим князем, настоял на своем. Он добился от польских магнатов и сейма официального признания брака с Барбарой, угрожая в противном случае отречением от трона и полным разрывом унии Польши и Великого княжества. 7 декабря 1550 г. Барбара была коронована [4:71].

Вскоре молодая королева заболевает – ее мучают боли, выпадают волосы, тело худеет и покрывается нарывами, от которых идет смрад. Она умерла 8 мая 1551 г., тридцати лет, в муках. Что же с ней случилось? Версия, возникавшая сразу же после ее смерти – отравление по наущению Боны Сфорца. Именно королеве-матери, ненавидящей невестку всеми силами души, нужна была эта смерть. По второй версии, появившейся в 1930-х гг., после исследования останков Барбары Радзивилл, причиной смерти был рак. Однако весьма сомнителен и настолько скоротечный онкологический процесс, и его симптомы – выпадение волос и изъязвление тела. Скорее, это действие яда, например, соединений мышьяка, и давать яд под видом лекарств от бесплодия Барбаре могли долго. Разве для королевы-матери, на родине которой была отработанная техника отравлений, было проблемой дать соответствующие указания врачу

Барбары? О том, что послужило действительной причиной смерти Барбары Радзивилл, М. Богуцка высказалась так: «Это тот вопрос, на который никогда не будет ответа, выбор мотивов будет зависеть от интуиции и воображения читателя» [9:151]. Недаром после смерти Барбары Сигизмунд Август возненавидел мать, считая ее отравительницей его обеих жен. Пусть так, но у последнего Ягеллона было три жены (Л.Л.)

Обеспечение династического принципа и монархического суверенитета не исчерпывались лишь политическими и семейными мероприятиями королевы. Бона Сфорца понимала, что монарх без земель и денег бессилён. Не менее значимыми были экономические мероприятия королевы-матери.

При этом очень важным было проведение четкой границы между господскими (земскими, столовыми) землями и лично великокняжескими. Выделение великокняжеских земель, как личной собственности короля и великого князя, имело принципиальное значение для имущественного обеспечения династии. После 1526 г. в интитуляции грамот Боны на земли подчеркивается наследственность ее владений [1:69; 5:150]. Один из крупнейших историков дореволюционной России, а затем советской Беларуси М. В. Довнар-Запольский отмечал следующее: «Несомненно, большую ясность в эти отношения внесла деятельность королевы Боны. Известно, что в ее руках сосредоточились громадные земельные богатства в пределах Польши и Литвы; многое она получила в дар от своего мужа, многое прикупила сама; деятельность ее по отношению к имениям вовсе не была похожа на прежние ягеллонские традиции: это деятельность частного собственника. В свою хозяйственную деятельность она впутывает и молодого Сигизмунда Августа, заключая сделки и от его имени. При наклонности современного общества смотреть на господские земли как на государственную собственность деятельность Боны вызвала в его среде неудовольствие и

стремление выяснить пределы лично великокняжеской и государственной собственности» [5:150].

Действительно, еще одним поводом к недовольству Боной было ее личное обогащение. Однако здесь неправильно было бы сводить вопрос только к кошельку самой правительницы. Стараясь укрепить королевскую власть, Бона понимала, что без денег реальной власти нет. Деньги же можно было получить с земельных владений, которые она собирала, благоустраивала и делала максимально рентабельными, опираясь на западноевропейский опыт. Таким образом, огромные владения королевы на территории современных Польши, Литвы, Беларуси, Украины и России юридически делались королевскими для последующего финансового обеспечения монархии и управлялись с целью увеличения прибыльности. Нельзя не согласиться с мнением как современного российского исследователя А.А. Бондаренко, так и известного украинского историка М.С. Грушевского о том, что королева Бона руководствовалась именно династическим интересом при собирании собственных доменов, заботясь об обеспечении доменами своего сына. Согласно «проекту» договора 1548 г., частные владения Боны приравнивались к великокняжескому домену, т.е. считались личной собственностью правителя. Более того, стремление королевы закрепить за своим сыном наследственное право на престол, обеспечить династию земельными ресурсами соответствовало рекомендациям, высказанным в «Государе» Н. Макиавелли [1:64-65]

Существовали не только собственные владения королевы, но и ее отдельная канцелярия, насчитывавшая около 200 человек во главе с канцлером, и отдельный двор с его управляющим – «охмистром». Сохранилась метрика королевы Боны – корпус документов, в которых отражена деятельность королевы в ее владениях. Метрика королевы Боны является частью фундаментальной Литовской метрики – собрания документов канцелярии Великого княжества Литовского за XV–XVIII вв., со временем превратившегося в его главный государственный архив.

Владения Боны не только отдельно управлялись, там был особый податной режим. Кроме имений, королева держала в своих руках управление таможнями. Суд во владениях королевы осуществлялся по Статуту Великого княжества Литовского 1529 г. и нормам местного права. Подданные Княжества могли обратиться в суд королевы как в высшую судебную инстанцию [1:27-29]. Для более эффективного судопроизводства и популяризации в Европе Статут 1529 г. был переведен в 1530 г. на латынь [6:17-18].

Имения королевы Боны находились в границах современных Польши, Литвы, Беларуси, Украины и России. В Беларуси это земли на территории Гродненской, Брестской, Гомельской, Минской и Витебской областей. Гродно и Слоним, Скидель и Мосты, Пинск и Давыд-Городок, Кобрин и Пружаны, Клецк и Рогачев, Смоляны и Мотоль – и это далеко не полный перечень владений королевы, которой принадлежали обширные территории на Полесье и пуща от Супрасля до Ковно (Каунаса). Бона Сфорца стала собирать имения практически сразу, как стала королевой. Пути приобретения земель были разные. Это пожалования короля Сигизмунда, мена, дарения, купля-продажа, выкуп, приобретение выморочных земель.

Бона Сфорца ввела в практику проверку покупаемых земель на предмет выявления незаконных владельцев. Впервые это было сделано в 1524 г. во время приобретения имений Пинского и Клецкого княжеств [1:73], в 1534 г. эта же операция была проведена с землями Кобринского княжества. Как правило, даже если выявлялись служилые люди, которые не могли представить документы на владения, королева не лишала их земель, так как они отправляли «путную», т.е. административную и хозяйственную службу.

Королева Бона, хорошо разбирающаяся в торговле и банковских операциях, практичная и имевшая целый штат помощников, создавала все условия для экономического роста своих земель, не жалея на это денег и зная, что затраты окупятся. Туда приглашались купцы и ремесленники,

населению предоставлялись налоговые льготы и уменьшались повинности. Строительство замков, храмов, дворцов, разработка пустошей, устройство торгов и ярмарок, прокладка дорог и каналов, строительство мостов, благоустройство городов и деревень, где появилась линейная планировка и центральные улицы – все эти меры вывели на новый уровень города, местечки и села, находившиеся во владениях королевы Боны. Разумеется, королева не забывала о себе, и получаемые доходы шли к итальянским банкирам, умножавшим ее состояние. Магнаты, не любившие Бону, не раз ставили перед королем вопрос о том, куда идут деньги с владений его жены. Однако выигрывала от проводимых мероприятий не только королева. Рост городов и местечек, развитие ремесел и торговли, оживление целых регионов были тем, что оставила после себя Бона Сфорца.

Например, село Мотоль стало местечком с правом самоуправления и налоговыми льготами. Туда прибыли купцы и ремесленники из Италии и германских земель, и к середине XVI в. Мотоль превратился в торгово-ремесленный центр. На территории Кобринского староства в 1540 г. был проведен канал Бона – первый мелиоративный объект в Беларуси. Королева планировала осушение болот южнее Кобрина, а также строительство канала от Пинского замка до своей резиденции в деревне Стытычево. В Рогачеве королева построила дворец, и рогачевская Замковая гора называется также Замок королевы Боны. Кстати, само белорусское слово «палац» – дворец – происходит от итальянского «palazzo». В Гродно при Боне появились мощные улицы и площади, водопровод, установлены часы на городской ратуше, возведены костел и монастырь Св. Духа. Считается, что герб Гродно – скачущий олень Святого Губерта – покровителя охотников – также идея Боны Сфорца. Живя в Кракове и чаще всего бывая в Варшаве и Вильне, Бона посещала и свои владения. Например, на территории Беларуси он была в Бресте (1543 г.), Петрикове (1544, 1547, 1548 гг.), Гродно (1552, 1553 гг.) [6: 20-24].

Наконец, именно на землях королевы Боны стала еще с 1540-х гг. проводиться масштабная аграрная реформа – «волочная помера». Её цель – увеличение доходов с государственных земель. Была произведена их ревизия и упорядочивание, ликвидирована чересполосица, значительная часть крестьян переводилась на чинш – денежный оброк. Создавались большие деревни, в которых дома располагались с одной стороны центральной улицы, а хозяйственные постройки – с другой. Повинности были унифицированы и стали взиматься в зависимости от плодородия почвы, единой мерой налогообложения стала волока – 21, 36 га. Первый обмер на волоки был сделан в 1552–1556 гг. на землях Пинского и Клецкого княжеств. В организованных по-новому владениях создавались фольварки – ориентированные на рынок хозяйства на крепостном труде, поставляющие хлеб в Западную Европу и приносящие доход в казну [2; 3].

Период правления Сигизмунда Старого и Боны Сфорца не случайно называют «золотым веком» в истории Великого княжества Литовского. Прекратились войны, развивались города и местечки. В культуре это была эпоха Ренессанса, а в религиозной жизни – время веротерпимости и распространения идей Реформации. В Великом княжестве Литовском Реформация прошла в сглаженном виде, затронув верхи общества, желающие дистанцироваться от католической Польши. Социальной базы для радикальных потрясений не было, а сосуществование различных религий – католичества, православия и даже остатков язычества было привычно. Представители православных родов, магнаты Ходкевичи, Воловичи, Ильиничи, Глебовичи, Сапеги, Кирдеевичи, князья Друцкие, Острожские, Глинские входили в Государскую раду – верховный орган управления при великом князе. Православная церковь в Великом княжестве не испытывала притеснений, находясь под патронатом государства. Так, Бона Сфорца в своих владениях заставляла своих урядников тщательно соблюдать за-

конодательство и все существующие нормы в отношении православного духовенства [1:28, 40].

Деятельность королевы требовала энергии, деловой хватки, жесткости, умения руководить. Чем дальше, тем больше авторитаризм королевы вызывал недовольство при дворе. Один из современников, итальянец, высказывался так: «Говорить со старым королем – то же самое, что говорить ни с кем. Король, его милость, не имеет личной воли. Все держит в руках королева Бона. Она одна целым государством правит, все указы выдает, и так уже осточертела всем первым панам и шляхте, что ее едва терпят до конца жизни старого короля, и терпят из-за послушания, верней из-за страха. Молодой король ничего не говорит, ничего не хочет слушать и не хочет вмешиваться в никакие дела, так боится королеву Бону, мать свою. Вероятно, что находится он под чарами матери, ибо каждый день ходит к ней» [8:230].

Отношения авторитарной королевы-матери и сына, желавшего править самостоятельно и не забывшего роль Боны Сфорца в трагедии с женитьбой на Барбаре Радзивилл, продолжали ухудшаться. Ситуация была такой, что сама Бона, под благовидным предлогом смены климата для лечения подагры, стремилась уехать к себе на родину. Однако сын ее не отпускал. Он не желал, чтобы мать вывезла с собой огромные богатства. Только вмешательство английской королевы Марии Тюдор – родственницы Боны через Габсбургов, и старшей сестры Сигизмунда Августа Изабеллы, королевы Венгрии, помогло Боне Сфорца уехать 1 февраля 1556 г. Она отказалась от земель, но увозила с собой 24 подводы ценностей.

Королева-мать поселилась на юге Италии, в родном ей замке Бари, где она жила до замужества. Она прибыла туда 15 мая 1556 г. Однако, спокойно прожить здесь на склоне лет ей не удалось. Бона Сфорца совершила фатальную ошибку – одолжила испанскому королю Филипу II Габсбургу 430 тысяч дукатов. Это была огромная сумма – одна монета содержала 3,5 гр. золота 986 пробы. Согласно

договору займа, Филипп должен был ежегодно выплачивать 43 тысячи дукатов, погашая долг. Король решил, что проще устранить кредитора. Как могла Бона Сфорца не подумать о таком исходе? Она стала кредитором Филиппа II в начале 1557 г., а уже в 19 ноября того же года, в возрасте 63 лет умерла, отравленная личным врачом, подкупленным испанским королем. Её завещание вызывало вопросы – наследниками Бари и Россано были объявлены Филипп II и Джан Лоренцо Паппакода – придворный, организовавший заем, стоивший Боне жизни. Организованный по настоянию родственников Боны судебный процесс ничего не дал – и из-за отсутствия доказательств, и из-за давления испанского короля.

Её похоронили скромно, в базилике Святого Николая в Бари. Единственный сын не простил мать даже после смерти. Однако долг Филиппа II, хоть и не в полном объеме, Сигизмунд Август все же взыскал в 1564 г. – в Краков прибыли монеты из высокопробного серебра, привезенного испанскими судами из Америки [6:28-30].

Таким образом, многогранная деятельность Боны Сфорца может оцениваться в различных ракурсах. С одной стороны, очевидно, что Бона, как личность ренессансной культуры, причем в итальянском выражении, вобрала в себя наиболее яркие и весьма неоднозначные ее составляющие – от гуманистической образованности до неразборчивости в средствах политической борьбы. Как женщина Бона Сфорца, волею судеб оказавшись на троне Польши и Великого княжества Литовского, вышла далеко за границы своей традиционной гендерной роли. Фигурально выражаясь, она стала «принцепсом в юбке». В Польше и Великом княжестве, где представления о роли женщины были иными, это было особенно заметно. Однако нельзя сказать, то Бона Сфорца проиграла во всем из-за своего статуса женщин и чужеземки. Импульс, данный мерами Боны в различных областях, запустил ряд позитивных экономических и социокультурных процессов в Короне Польской и Великом княжестве Литовском.

Королева Бона, несомненно, принадлежала к числу правителей-практиков, реализующих идею монархического суверенитета. Об этом свидетельствуют все ее действия, начиная от меценатства и обустройства королевского двора, заканчивая матримониальной внешней политикой. Тезис о том, что экономические мероприятия Боны и изменение юридического статуса ее земель с целью превращения их в наследственные владения королевской семьи служили династическому интересу, уже неоднократно повторен в историографии. Указанное может оцениваться как впервые проводимая последовательная политика по рецепции абсолютистских мероприятий в будущей Речи Посполитой. Однако, по целому ряду причин, эти попытки не возымели должного эффекта. В сословной системе и политической культуре Польши и Великого княжества Литовского меры абсолютизма не прививались, несмотря на неоднократные попытки, повторяемые в последующие столетия.

Литература

1. *Бондаренко А.А.* Грамоты польской королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского (1523– 1556): источниковедческое исследование: дис. ...канд. ист. наук. 07. 00. 09. М., 2018. 380 с.
2. *Васіленка Г.Ю.* Бона сфорца як гістарычная асоба эпохі ВКЛ // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин): Материалы I (Первой) Международной конференции. Витебск, 2–3 декабря 2010 г. / УО ФПБ «Междунар. ин-т трудовых и соц. отношений». Витебск : МИТСО, 2010. С. 24–25.
3. *Голубеў В.Ф.* Бона Сфорца і Жыгімонт Аўгуст – ініцыятары і арганізатары вялікай аграрнай рэформы ў ВКЛ // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына : Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі: Гальшаны – Навагрудак, 8–10 верасня 2006 г. Мінск: Бел. навука, 2007. С. 216–231.
4. *Грыцкевіч А.П.* Жыгімонт Аўгуст (1520–1572) // Старонкі нашай мінуўшчыны. Мінск: Кнігазбор, 2009. С. 65–93.

5. *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев: Тип. Имп. Университета св. Владимира, 1901. 807 с.
6. *Ландина Л.В.* Бона Сфорца – великая княгиня литовская и королева польская. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2019. 32 с.
7. *Скеп'ян А.А.* Уплыў вялікакняжацкага двара на фарміраванне культурных эліт ВКЛ у XVI ст. // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына : Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі: Гальшаны – Навагрудак, 8-10 верасня 2006 г. Мінск: Бел. навука, 2007. С. 183-195.
8. *Чаронко В.* Великие князья Великого княжества Литовского. изд. 2-е. Минск: Беларусь, 2013.
9. *Bogucka M.* Bona Sforza. Warszawa Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989.
10. Bona jako cudzoziemka i kobieta była bez szans. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.polskieradio24.pl/39/156/Artykul/726716,Bona-jako-cudzoziemka-i-kobieta-byla-bez-szans> свободный.
11. *Przedzieski A.* Jagellonki Polskie w XVI wieku. W 5 t. T.1. Kraków. Uniwersytet Jagelloński. 1868–1872.